

Лили Поттер всегда знала, что ее сын - особенный.

С тех пор как она носила его в себе девять месяцев, несколько месяцев храня секрет от Джеймса, чувствуя, как он шевелится и крепнет от энергии ее собственного тела, Лили ощущала типичные признаки магической энергии, протекающей через него, но, неизвестно кому, кроме немногих, она чувствовала и нечто большее.

Можно назвать это материнским инстинктом или связью, которая существует между будущей матерью и её будущим ребёнком, но Лили всегда чувствовала великую магию, которая дремлет в её малыше: типичные случайные вспышки магии, которые случались всякий раз, когда эмоции Лили были повышены гормонами или стрессом, обычно приводили к странным, необъяснимым событиям, но здесь было нечто большее.

Ладно, события были странными: например, когда на пятом месяце Лили запланировала пикник в честь годовщины свадьбы Джеймса и попала в ужасную грозу, из-за которой ей пришлось отменить свои планы, а гроза каким-то образом превратилась в то, что в маггловских новостях называли странной мартовской метелью, в результате чего Лили и Джеймс оказались на белоснежной пустоши в лесу, окружающем Поттер-Мэнор.

У них всё ещё была возможность устроить пикник, но что-то в этой ветреной обстановке делало его ещё лучше.

По случайному совпадению, как раз перед тем, как погода приняла свой забавный оборот, Лили почувствовала прикосновение магии к своему животу, где мирно спал её будущий сын.

Когда она рассказала об этом Джеймсу, тот только рассмеялся, похвалил своего малыша за креативность и поцеловал Лили в живот в знак благодарности за добрый поступок своего ребенка.

Однако настроение омрачилось, когда Лили, поняв, что не может продолжать врать мужу, открыла ему тайну, которую скрывала от него: ее будущий сын - не его, а сын более могущественного колдуна, который был другом и утешением для Лили, когда несколько месяцев назад у них с Джеймсом были тяжелые времена.

Хотя Джеймсу потребовалось четыре дня, чтобы прийти в себя, он понял, что она сделала это не из мести ему, а из желания утешить дружеское лицо, которому Лили также сказала, что не знает, что носит их сына.

В обмен на прощение и согласие воспитывать мальчика и любить его как родного, Джеймс сказал Лили, что, когда их сын родится, он хочет пройти через процесс превращения его в Поттера посредством кровного усыновления и вливания древней семейной магии, которую Джеймс нес в своей крови.

Благодаря магии крови домов Поттеров и Певерелл, а также той магии, которой, по словам

Лили, обладал настоящий отец их сына, Джеймс без труда согласился с женой, что их ребёнок будет действительно могущественным волшебником.

Сын колдовства

Еще одно странное событие произошло, когда Лили за месяц до рождения сына заболела гипертермией, которая приковала ее к постели, и у нее не осталось никого, кроме будущего сына.

В то время как у нее резко поднялась температура, и целители надеялись и молились, чтобы это не повредило ребенку - не говоря уже о том, что Лили тоже молилась, - произошло самое странное.

Лили, покрытая испариной, вдруг обнаружила, что её тело покалывает магией, и в течение семи минут всё её тело вдруг стало более прохладным, здоровым и сильным.

Целители были в недоумении, но Лили, Джеймс, Сириус и их близкие друзья знали правду: будущий наследник в очередной раз почувствовал боль и дискомфорт своей мамы, каким-то образом подключился к магии внутри себя и своей матери и исцелил её недуг.

По мнению целителей, для ребёнка, происходящего из такой древней и могущественной семьи, как Джеймс Поттер, не было ничего необычного в том, что он обладает такими способностями к магии, но, с другой стороны, было необычно, что он способен совершать такие подвиги, находясь ещё в утробе матери.

Многие целители хотели провести различные тесты с ребенком, но Лили и Джеймс сразу же отвергли эту идею.

Они не хотели рисковать тем, что кто-то узнает правду о ребёнке до того, как Джеймс пройдет ритуалы усыновления и инвестирования.

Желая помочь им узнать больше о невероятном магическом потенциале, которым будет обладать их сын, Лили предложила Джеймсу рассмотреть возможность связать ядро ребенка, пока он не станет достаточно взрослым, чтобы понять свою огромную силу, но Джеймс отверг эту идею, предупредив Лили, что в результате такого действия их сын может стать сквибом, а после того, что она рассказала ему об отце ребенка, он не хотел рисковать.

Второй вариант - доверить секреты этих странных мистических действий, а также правду о зачатии ребёнка тому, кто сам знал, каково это - обладать столь великой силой.

Альбус Дамблдор, директор Хогвартса, главный маг Визенгамота, Верховный магвамп МКВ и тот, о ком каждая стоящая палочки ведьма и волшебник знали, что он сам обладает невероятным уровнем магии.

Конечно, только Джеймс знал, что отчасти является причиной того, что Дамблдор обладает такой силой: палочка в его руке, которая была украдена у законного владельца более века назад и находилась в руках Тёмного Лорда Гриндельвальда до той ночи, когда Дамблдор завладел ею по праву победителя, победив Гриндельвальда, тем самым передав право собственности на палочку ему.

Эта палочка, Старшая палочка, была одной третью частью троицы магических предметов, которые, по преданию, наделяли своего носителя почти божественной силой, если их соединить вместе, создав мантию, печально известную как "Мастер смерти".

Мантия должна была быть передана наследникам Певерелла современной эпохи, из которых Джеймс знал только одного, еще живого: Сам Джеймс.

Разумеется, как только ритуалы будут завершены и наследник получит фамилию Поттер и права Певерелла, он станет новым наследником со всеми дарованными ему силами и способностями, включая право стать Мастером Смерти.

Поэтому Джеймс согласился поговорить с Дамблдором о помощи их ребёнку, но при одном условии.

Об этом он должен был рассказать в тот вечер, когда они встретятся со стариком.

Сын колдовства

"Альбус, ты как раз вовремя. Проходи: Лили только что приготовила чай".

"Спасибо, Джеймс", - сказал Альбус Дамблдор, проходя через камин и выходя в гостиную Поттер-Мэнора. Различные оттенки красного и золотого, украшавшие стены, а также магический портрет льва, сидящего на скале, висевший над камином, подчёркивали гриффиндорские наклонности владельца и хозяина дома, прошлое, настоящее и будущее.

Выйдя из камина, Дамблдор ласково улыбнулся своему бывшему старосте и спросил: "Итак, что, позвольте спросить, было настолько важным, что вы попросили меня встретиться с вами здесь, а не в школе или в каком-нибудь более публичном месте? И почему вы попросили меня прийти так поздно вечером?"

Когда я учился в школе, я всегда чувствовал, что могу положиться на тебя, что бы ты ни сказал или ни сделал: если я расскажу тебе все подробности, могу ли я доверять тебе в том, что ты будешь хранить то, что я уже отнес к семейной тайне Поттеров? Это значит, что об этом будете знать только вы, я, Лили и те, кому мы доверим эти секреты?"

"Конечно", - согласился Альбус, его глаза наполнились любопытством, и он спросил: "Джеймс, я никогда не видел тебя таким сосредоточенным на чём-то: всё ли в порядке, мой мальчик?"

"Одну минутку", - сказал Джеймс, переводя дыхание, прежде чем позвать: "Лили, ты там закончила?"

К шоку Джеймса и недоумению директора, из другой комнаты, куда Лили ушла, чтобы приготовить угощение для них троих, донеслась тишина.

Под пристальным взглядом Дамблдора Джеймс медленно направился к двери на кухню, где, к своему ужасу, услышал шокированный и болезненный вздох.

Не успев остановиться, Джеймс сделал глоток и, схватившись за ручку двери, слегка дрожащим голосом спросил: "Лили-петалл: ты в порядке?"

Раздавшийся звук задыхающегося дыхания снова заставил Джеймса испугаться, а затем его страх сменился шоком, когда Лили ответила: "Джей-Джей: у меня только что отошли воды!"

Глаза Альбуса расширились, и в то же время улыбка Джеймса могла бы осветить тысячу школ Хогвартса.

<http://tl.rulate.ru/book/93794/3145184>